

ЖЕРНОВА: ГРАНИ САКРАЛЬНОГО И УТИЛИТАРНОГО

Самолазова Наталья Михайловна,

ГУО «Средняя школа № 1 г. Круглое» (г. Круглое, Беларусь)

Рассматриваются жернова как часть сакрального мира славянского и скандинавского язычества, финской мифологии.

Практически в любой религии мира можно найти предметы утилитарного назначения, которые приобретают в ней особый сакральный смысл: колесо в буддизме, подсвечник в иудаизме. К их числу можно отнести и жернова.

В эпоху неолита с переходом человека от собирательства к земледелию появились первые ручные приспособления для обработки зерна – зернотерки [8, с. 447]. Последние со временем эволюционировали в более совершенные орудия труда – жернова. Вопрос о времени и месте их появления является весьма спорным. Одни из первых письменных упоминаний о жерновах относятся к Ветхому Завету (Втор. 24:6): «Никто не должен брать в залог верхнего и нижнего жернова, ибо таковой берет в залог душу» [2, с. 193]. Запрет, действовавший в библейские времена, может показаться абсурдным в наши дни, но тогда он имел глубинный смысл. Забрать у семьи один из мельничных камней – значит отнять у ее членов ежедневное пропитание. Таким образом, жернова утрачивают свое сугубо

утилитарное значение и обретают более глубокое и сакральное, становясь символом благополучия, достатка и процветания.

Подобный символизм можно проследить и в языческих традициях славян, финнов и жителей Скандинавского полуострова.

По мнению советского археолога Рыбакова Б.А., в славянском земледельческом культе жернова играли далеко не последнюю роль. Об этом свидетельствуют их многочисленные глиняные модели, найденные во время археологических раскопок [7, с. 257]. Кроме того, жернова, как воплощение богатства и дара небес, нашли свое отражение в фольклоре. В сказке «Петух и жерновцы» передается очень архаичный сюжет: старик по огромному дубу взбирается на самое небо. У славян дуб являлся символом мирового дерева. Кроной оно упирается в небеса, а корнями достигает преисподней, ствол и ветви представляют собой земное пространство. На небе взял дед петушка и волшебные жерновцы, изготавливавшие блины и пироги. Сказочные жернова – эмблема весенней грозы, дарующей земле плодородие, а людям богатый урожай хлеба [1, с. 636 – 637].

Следует отметить упоминание жерновов и в космогоническом контексте. Белорусский фольклор сохранил весьма интересное повествование о сотворении Перуном мира: «Когда мир еще только начинался, нигде ничего не было. Везде была мертвая вода, в середине воды торчал какой-то камень. Перун держал в руках жернова, ударил камень о камень и вызвал гром и молнию. Осколки летели на Землю, как стрелы. Однажды один из осколков попал в этот камень, и оттуда выскочили три искорки: белая, желтая и красная. Упали искорки в воду. От этого вода вся замутилась, и свет померк. А когда все посветлело, отделилась Земля от Воды. И началась жизнь на Земле и в Воде» [3, с. 75 – 76].

Сюжет о волшебных жерновах присутствует и в скандинавском эпосе. В «Младшей Эдде» рассказывается история о конунге датчан Фроди, период правления которого называют «золотым веком». Фроди гостил в Швеции у Фьельнира и купил там двух сильных рабынь – великанш Фенью и Менью. У Фроди имелась мельница Гротти, молотившая все, что пожелает ее владелец. Подарил ее конунгу некто, звавшийся Хенгикьёфт («С отвисшей челюстью»). Этим именем скандинавы именовали «Бога повешенных» – Одина. Тот факт, что дарителем оказался один из верховных богов изначально усматривает в повествовании божий промысел [5, с. 213].

По приказу Фроди, Фенья и Менья мололи на жерновах Гротти золото, мир и счастье. Жадный конунг не давал рабыням ни сна, ни отдыха – разве что на то время, пока успеет прокуковать кукушка. И тогда Фенья и Менья запели «Песнь Гротти». Великанши пели, что Фроди верно выбрал рабынь, которым по силе было вертеть жернова, да не проведаль конунг о том, кто они и откуда родом. Их отец был храбрейшим из великанов. А сами сестры девять зим трудились в преисподней, воздвигая стены. Затем, став валькириями, сражались в битвах и определяли судьбы правителей. В отместку за тяжелую работу Фенья и Менья намололи вражеское войско, которое вторглось с моря в Данию. Конунг Мюсинг убил Фроди и завладел его богатствами. «Золотой век» Фроди закончился [5, с. 213 – 215]. Торжество Мюсинга было недолгим. Его также сгубила алчность.

Для Мюсинга рабыни мололи соль на корабле. Наконец соли было намелено настолько много, что корабль затонул, и все погибло в водовороте, а море с тех пор стало соленым [5, с. 214].

В данном мифе мельница выступает не только в качестве символа изобилия, но и являются воплощением неумолимой судьбы, жернова которой перемалывают судьбы отдельных людей и целых государств. В таком контексте жернова отождествляются с римским колесом Фортуны.

В финском эпосе можно найти параллели с чудесными жерновами Гротти в мифе о мельнице Сампо.

Согласно преданиям, собранным в сборнике карелло-финского эпоса «Калевалле», Сампо выковал «из пушинки лебединой, из кусочка веретенца, и из молока коровы, и их ячменя крупинки» кузнец Ильмаринен. Мельница была свадебным выкупом за дочь хозяйки Похьёлы, к которой он сватался. Сампо намальовала столько хлеба, соли и денег, что хватало на еду и даже на припасы оставалось. Центральным сюжетом мифа становится похищение мельницы из Похьёлы. Вяйнямейнен, узнав об изобилии, царящем в Похьёле, вместе с друзьями похищают мельницу. Но во время борьбы с хозяйкой Севера Лоухи Сампо разбивается и ее обломки тонут в море. Отсюда и берет начало народное верование о том, что море богаче суши [4, с. 401 – 402]. Вяйнямейнен достается только часть обломков. С их помощью он учреждает земледелие и восстанавливает космический порядок: «быть здесь месяцу и солнцу, быть здесь звездочкам на небе» [6, с. 120]. Миф о мельнице Сампо несет в себе глубокий символизм. Мельница – это уже не просто залог изобилия мира, а сам мир, который находится в постоянном движении. Уничтожение Сампо – это окончание одного этапа развития человечества и начало новой эпохи его существования.

Таким образом, в древнейших представлениях славянских и скандинавских народов, финском эпосе жернова выступают не только как носители утилитарной функции орудий труда, но и приобретают сакральное значение. Последнее не ограничивается восприятием жерновов как символа богатства и достатка, а идет значительно дальше, наделяя их созидательной и разрушительной силой.

Литература

1. Афанасьев, А.Н. Славянская мифология / А.Н. Афанасьев. – М. : Эксмо; МПБ. : Мидгард, 2008. – 1520 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское Библейское общество, 2014. – 1379 с.
3. Лобач, У.А. Миф. Прастора. Чалавек : традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве / У.А. лобач. – Мінск : Тэхналогія, 2013. – 510 с.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 томах. Гл. Ред. С.А. Токарев. – М. : Советская Энциклопедия, 1988. – Т. 2. К – Я. – 719 с. : ил.
5. Петрухин, В.Я. Мифы древней Скандинавии / В.Я. Петрухин. – М. : Астрель: АСТ, 2010. – 464 с. : ил.
6. Петрухин, В.Я. Мифы финно-угров / В.Я. Петрухин. – М. : Астрель: АСТ : Транзиткнига, 2005. – 463 с. : ил.
7. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М. : Наука, 1994. – 608 с.
8. Энциклапедыя гісторыі Беларусі : У 6 т. Т. 3. Гімназіі – Кадэццыя / Беларус. Энцикл.; рэд-кал.: Г.П. Пашкоў (галюўны рэд.) і інш. – Мінск : БелЭн, 1996. – 527 с. : іл.